

Августа 12 (25)

Преподобномученик
Варлаам (Коноплев)

Архимандрит Варлаам (в миру Василий Евфимович Коноплев) родился в 1858 году в Юокнауфском заводе Осинского уезда Пермской губернии от благочестивых и добродетельных родителей. Он писал о себе. На десятом году я выучился грамоте; молился с беспоповцами, со стариками и простолюдинами; когда стал приходить в возраст, полюбил читать Божественное Писание. Все свободное время я отдавал чтению книг, покупая их или прося у других для прочтения. И постепенно стал разгораться во мне дух к Богу – я размышлял о вере, о расколе, о православии восточной Церкви, размышлял о священстве, без которого, видел, спастись нельзя. В этих думах я забывал все. Ночью часто вставал на молитву перед иконами Господа Вседержителя и Пречистой Богородицы и молился усердно, горячо, со слезами, просил Господа: «Господи, открой мои очи, дай разуть путь спасения; скажи мне путь, каким мне идти, научи творить волю Твою». И еще просил указать, в какой Церкви и через каких пастырей благодать Святого Духа действует: у старообрядцев-беглоповцев или австрийских? Просил Бога, если Церковь восточная и грекороссийская не лишилась благодатных даров, то соединить меня с нею, чтобы не быть мне в дальнейшем раскольников, чего я никак не желал. Обращался с молитвой к Пресвятой Богородице и преподобной Марии Египетской, прося показать мне путь и место спасения. И в такой заботе пребывал долгое время и поэтому не женился, чтобы не было препятствий к рассмотрению истинного пути, как и апостол пишет: «Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене» (1 Кор. 7, 32-33).

До тридцати пяти лет я был постоянно в размышлении о Церкви, стараясь уразуметь евангельские, апостольские и прочие писания, и находил их несходными с писаниями о Церкви и священстве у старообрядцев. В это время я много путешествовал, посещал старообрядцев-беспоповцев, присутствовал на их беседах. Много и сам спрашивал: каким образом восточная Церковь пала. Они против восточной Церкви доказать ничего не могли, только называли ее еретической. Когда собирались на беседы, то не рассуждали о правоте вселенской Церкви, согласно ли мы с Евангелием и прочими Священными Писаниями веруем, а рассуждали – как действовать мирянину за неимением священника; составили даже свое чинопоследование, как мирянину крестить, соборовать, как от ереси принимать, как брак благословлять, как умершего человека отпевать. Все это я сам слышал и был со всем этим согласен, хотя видел, что все это составлено по одному человеческому разуму. После этого я ездил в Сибирь и в Оренбург, но и там ничего нового не нашел. Пришел даже в отчаяние, видя, что старики-простолюдины и новые беспоповцы в своих суждениях безосновательны.

В это время архипастырь Пермский благословил епархиального миссионера в Юокнауфске вести беседы со старообрядцами. С той поры православные пастыри начали разъяснять расколуучителям о Церкви Божией. Но я по своему ожесточению на эти беседы не ходил. Многие спрашивали меня, почему я не хожу на беседы; я отвечал, что с отступниками не хочу беседовать. Однажды

о. Кирилл, священник Югокнаufского завода, помощник миссионера, позвал меня к себе на квартиру и спросил, как я думаю о Церкви. Я ответил, что к определенному мнению еще не пришел, но хочу при той Церкви быть, которая содержит предание нерушимо от апостолов и семи вселенских соборов, что нахожусь теперь без священства, но желаю быть при священстве. Как Фома неверующий, я уверую только тогда, когда увижу все ясно или когда мне докажут, какая церковь имеет полноту благодатных даров. Отец Кирилл сказал на это: наша Церковь – преподательница благодатных даров, потому что она не рассекла единение со вселенскими церквами, имеет иерархию по преемству от святых апостолов. Я ответил, что из-за разных изменений она лишилась благодати и все в ней несогласно с патриаршими книгами, которые были до патриарха Никона. Он сказал, что это не изменения в книгах, а исправления, новые книги напечатаны с древних греческих и с других славянских, а вы, смотря на эти книги, думаете, что в Православной Церкви книги испорчены и по неведению ошибаетесь. Меня обуяла после этой беседы буря сомнений, я потерял сон, размышляя о Церкви.

Вскоре я был приглашен на беседу отца миссионера Стефана Луканина. Его слова и доказательства привели меня в состояние умиления, и дух мой, как бы палим от зноя, разгорелся на поиск истинного священства. Я начал советоваться с югокнаufскими беспоповцами и со своим родителем, что нужно бы приступить к более основательному рассмотрению дела, и они посоветовали мне предпринять путешествие – сначала вниз по Волге к беспоповцам, а потом к признающим австрийскую иерархию. В 1891 году я нашел себе товарища, крестьянина нашей волости, Филиппа Федоровича Половодова, и мы отправились в путь, чтобы узнать, на какой стороне истина. Доехали до города Вольска, но здесь ничего для себя полезного не нашли; приехали в Саратов, но и здесь ничего полезного не обрели. После Саратова направились в Москву. Здесь я расспрашивал беглопоповцев, но их ответы мне не понравились. Я пошел к австрийцам; мне только одно и нужно было узнать: был ли митрополит Амвросий необливанец и не был ли он под запрещением. Мне доказывали, что митрополит Амвросий необливанец, а из истории Субботина¹ мне казалось, что происхождение митрополита Амвросия во всем сходно с прежними беглыми попами, а я, по тогдашнему моему неразумению, считал прежних беглых попов истинными пастырями, имеющими благодать Святого Духа. Мой спутник был беглопоповцем и отказался от дальнейшего выяснения — истинно ли австрийское священство. Приехав домой, я сказал родителям, что австрийское священство во всем сходно с теми священниками, которых отцы наши получили из Иргизских монастырей, так я и всем старообрядцам объяснил. Прошел месяц. Заболела моя родительница, была уже при смерти; я стал беспокоиться, как бы не схоронить ее без священника. Предложил родителю призвать священника австрийского согласия напутствовать умирающую. Отец и сама больная не противились. Я тогда вполне уверовал в их священство и принял священника с радостью. После многолетней заботы и печали сердце на малое время утихло.

Прошло два месяца. Я взял книгу Озерского² и начал тщательно просматривать, за что мы Православную Церковь хулим. И снова меня обуяли сомнения; и снова я стал думать поехать в Москву и походить по библиотекам, чтобы проверить книгу Озерского. Нашелся мне и спутник, крестьянин нашей деревни Иов Авраамович Писсов. По дороге в Москву мы были у старообрядца Швецова; беседовали двое суток с утра и до вечера. Я спросил его: может ли Церковь быть без епископа? Ведь святое Евангелие и писания древних учителей

Церкви Киприана, Ириней, Игнатия Богоносца, Иоанна Златоуста говорят, что Церкви нет без епископа. Швецов ответил: Иоанн Златоуст говорил о кафедральном соборе, в котором он служил, про него и говорил, что он без епископа быть не может. Я возразил: если кафедральный собор не может быть без епископа, то может ли вселенская Церковь быть без епископа? Он ответил: в Писании не говорится, что епископы не погрешают, потому что все они люди и поэтому грешат. Я сказал: как же в предисловии «Меча» Перетрухин³ пишет, что вселенская Церковь погрешить не может, а ты допускаешь прегрешение вселенской Церкви? На это Швецов ответил, что он с данным автором не согласен. Я после этого еще более стал сомневаться: у нас всего-то два начетчика главных, которые как богословы оправдывают все старообрядчество, а и они между собой не согласны. Я задавал Швецову много вопросов, просил убедительных доказательств о епископстве, он приводил цитаты из разных книг, но доказать ничего не мог. За два дня Швецов настолько смягчился, что наконец сказал: пусть все российские пастыри соберутся и скажут, что все было сделано негодно во времена патриарха Никона и на большом Московском Соборе были наложены клятвы на наших отцов несправедливо, тогда мы признаем их Церковь Православною.

Отправились мы с Писсовым в Москву, пришли к своему архиепископу Савватию, тут ночевали, а наутро отправились в Никольский единоверческий монастырь. Настоятель монастыря о. Павел принял нас с великой любовью. Мы пробыли в обители неделю. Секретарь о. Павла Михаил Евфимович Шустов показал нам все древности. И здесь привел мне Господь видеть своими глазами слова, о которых мы, старообрядцы, спорим и называем их нововведением и ересью: имя Иисус, символ веры без прилога «Истинного», аллилуйя трижды, в четвертый «слава Тебе Боже» и прочее.

Затем мы посетили разные библиотеки: единоверческую, Румянцевскую, Синодальной типографии, Троице-Сергиевой обители. В Сергиевой обители видели книгу, писанную рукой преподобного Кирилла Белозерского, и символ веры в ней без прилога «Истинного». Оказалось, что Озерский показал все достоверно, что есть в книгах. Мы с моим спутником очень этому удивились и стали между собой рассуждать, что мы, старообрядцы, в чем Православную Церковь обвиняем, то все это есть в древнейших книгах, и, стало быть, мы все ошибаемся. Пробыли мы в Москве три недели, по вечерам часто приходили к о. Павлу, и он, забыв свою старость, подолгу с нами беседовал, и мы от него получили много пользы. Мы тогда ходили и толковали и со своей братией, с Перетрухиным и Михаилом Ивановичем Бриллиантовым⁴ и от них получили много вреда относительно соединения с Церковью. В Москве я купил разных старинных книг для более углубленного рассмотрения. На обратном пути заехали в Казань и здесь побывали в Соловецкой библиотеке. На обратном пути на пароходе я стал читать книгу Т.И. Филиппова⁵. В ней он говорит, что единоверие, разрешенное митрополитом Платоном и Святейшим Синодом, с собором 1667 года не согласно, потому что дониконовские обряды этим собором были запрещены безусловно; по этой причине ни митрополит Платон, ни Святейший Синод разрешить их не могли, нужно созывать собор с восточными патриархами, чтобы эти клятвы разрешить, и тогда единоверие станет силой, а я между тем уже склонялся присоединиться к Церкви через единоверие.

Сочинение Филиппова отвратило меня от соединения с Церковью. Я начал размышлять: если у нас обряды были православные и вера православная, то

почему же наших отцов предали клятве, и вот за эти клятвы соборов 1666 и 1667 годов я начал Церковь считать падшей, лишившейся благодатных даров, как восточную, так и грекороссийскую, потому что они вместе проклинали. Я коснел в своем заблуждении и много вреда принес в это время Церкви: многие хотели вместе со мной возвратиться в Православную Церковь, но я всех остановил, а присоединившихся к Церкви привел в сомнение. Многие священники собирали беседы, но я на этих беседах им возражал. Не добившись результата, они написали пермскому епархиальному миссионеру о. Стефану Луканину. Он же, показывая подобно святым отцам правило веры и образ кротости, написал ко мне умолительное письмо, прося меня со всеми книгами приехать к нему в Пермь.

Отец Стефан принял меня как истинный учитель, стал беседовать со мною с кротостью и спокойствием, объясняя, от чего происходят у нас все препирательства. Я слушал его с умилением, но все же остался при своем мнении, так и домой уехал, продолжая противиться вселенской Церкви.

В Неделю всех святых на Белой Горе бывает большое торжество, сюда съезжается много духовенства и приезжает епархиальный миссионер, бывает крестный ход со святыми иконами и служатся молебны; на это торжество приходят и старообрядцы. И хотя торжество было, можно сказать, у моего дома, я, как ожесточившийся сердцем раскольник, не только не принял в нем участия, но уехал в Саратовскую губернию в старообрядческую обитель.

Прибыл я в обитель в Неделю всех святых. После обедни, потрапезовав с братией, я сел с книгой под окном в пекарне. Сижу и по обыкновению размышляю о Церкви. И молюсь ко Господу: «Милостиве Господи, как мне уразуметь о Церкви Твоей святой; не хочу быть раскольником, но не знаю, как уразуметь раздоры церковные, не знаю, какая половина ошибается, то ли старообрядцы что-то недопонимают, то ли Церкви восточная или грекороссийская погрешают. Господи, покажи мне чудо, разреши мои сомнения и недоумения; если Церковь российская за перемену в обрядах не лишилась благодатных даров, то во время торжества духовенства на Белой Горе, во время их молебна, пошли, Господи, в это знойное время дождь обильный на землю, чтобы мне уразуметь, что через сих пастырей действует благодать Святого Духа». И, помолившись так, возложил всю надежду на Бога.

Белогорский Свято-Николаевский мужской монастырь

Погостив в обители неделю, я уговорился с настоятелем, что к 1 сентября приеду к ним жить; с тем и уехал. Не доезжая восьмидесяти верст до дома, услышал я разговор, что на Белой Горе среди молебна сошел на землю обильный дождь; дома это все подтвердилось. Но я никому ничего не сказал и остался при старых убеждениях.

В начале июля на Белую Гору приехал о. Стефан Луканин и послал за мной. Когда я пришел, он спросил меня: почему я не признаю Православную Церковь и не соединяюсь с нею. Я ответил: из-за клятв соборов 1666 и 1667 годов, они тому причиной, но есть и другие несогласия; если докажете, что Церковь апостольская у вас, то я возражать уже не буду. После долгих бесед с ним я стал к Православной Церкви относиться помягче. 18 июля я подрядился на Белой Горе поставить сарай, еще не веря в истинность Православной Церкви, а как наемник.

8 августа снова приехал о. Стефан на Белую Гору и пригласил меня побеседовать. Я захватил все свои препирательные книги и пришел к нему. Почти всю ночь мы беседовали о разных относящихся к делу предметах, а более всего о клятвах соборов 1666 и 1667 годов. В конце нашей беседы о. Стефан задал мне вопрос из Толкового Апостола, 150 зачало, что как же здесь лежит клятва на отделяющихся от вселенской Церкви иереев? И посмотрел я на это место не тупо, а осознанно, и признал, что как бы эти иереи ни молились истово, а за отделение от вселенской Церкви на них налагается клятва не только от отцов Церкви, но и от Бога. Отец Стефан сказал мне на это: так что же вы осуждаете Православную Церковь за то, что отцы церкви предали клятве ваших иереев, отделившихся от единения церковного и даже хулящих всю вселенскую Церковь? Вы понимаете так, что они, ваши священники, служили по-старому и их за это не следовало бы проклинать; но не за одно служение их проклинали, а за непокорение вселенской Церкви и за хулу, и поэтому неправильно, что вы из-за этих клятв отделяетесь от Православной Церкви.

После этого весь вопрос для меня разъяснился. Отец Стефан сказал мне: вы поверхностно смотрите на православную веру, а прочтите Догматическое Богословие и увидите, что в Православной Церкви нет ничего погрешающего по богословию.

Отец Стефан уехал в Пермь и рассказал обо мне епископу Пермскому и Соликамскому Петру (Лосеву), и тот прислал мне два тома Догматического Богословия. Я принял их с радостью и с Божией помощью приступил к изучению. Из этих книг меня словно свет облистал, я увидел, что в Православной Церкви в догматах веры погрешностей нет.

Хотя у меня и было ложное понятие о вселенской Церкви, но втайне я просил милости Божией, дабы Царь Небесный, если в чем ошибаюсь, открыл мне путь правый. И Господь посетил меня Своим милосердием, послав мне о. Стефана, много потрудившегося для моего обращения из раскола. И однажды, размышляя, вспомнил я слова Господни: Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее (Мф. 16, 18). Еще сказал Господь Своим ученикам: слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас, Меня отвергается; а отвергающий Меня, отвергается Пославшего Меня (Лк. 10, 16). Ужас охватил меня от этих слов. И еще вспомнил: если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь (Мф. 18, 17). И еще сказал Иисус ученикам Своим: как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир (Ин. 17, 18). У старообрядцев этого посольства не было сто восемьдесят лет, и потом взяли без ведома патриарха Цареградского митрополита Босносараевского Амвросия и по сие время пребывают со

священством, посланным не от Христа Спасителя, а похищенным от патриарха, без благословения. За это самовольство митрополит был запрещен. Выходит, что у старообрядцев не было посольства Христова и благодатные дары преподавать было некому; значит, согласно Симеону Солунскому, не было и христианства истинного. Взирая на эти свидетельства, я уже не захотел пребывать в таком обществе, которое не составляет соборной апостольской Церкви. И я принялся за постройки на Белой Горе уже не как наемник, а как хозяин, строящий для себя. Так была выстроена для первых жителей временная небольшая молельная.

28 сентября на Белой Горе собралось духовенство окрестных заводов и сел, и прибыл епископ для служения благодарственного молебна и освящения колоколов. После освящения владыка обратился к народу и начал говорить о Церкви, о преданиях и обрядах, о том, что является камнем преткновения для раскольников. Слушая его, моя душа умилилась настолько, что я не мог слушать без слез, а когда владыка кончил, я припал к его ногам, прося прощения и благословения участвовать в молитве. Он благословил меня молиться вместе с православными и в наставление сказал мне слово, обличая раздоры и расколы. И тут я по милости Божией не устыдился при всем народе провозгласить себя порвавшим все связи с расколом и по благословию владыки во время молебна молился вместе с ним:

Присоединение мое к Православной Церкви состоялось 17 октября в кафедральном соборе перед литургией и совершено было самим преосвященным через таинство миропомазания.

Вскоре и мой отец, Евфимий Тихонович, соединился с Церковью, ему было тогда семьдесят пять лет. Так же и младшие мои братья, Антон и Павел, с женами и детьми, и семейство старшей сестры присоединились к Церкви; всего присоединилось девятнадцать человек. Так же присоединился и мой спутник Иов Авраамович со всем своим семейством.

6 ноября владыка Петр облек меня в рясофор, и я поселился на Белой Горе. Постепенно стали собираться ко мне все желающие монашеского жития, и к 1 февраля 1894 года собралось двенадцать человек. В этот день я принял постриг в монашество с именем Варлаам в крестовой церкви у владыки. На следующий день епископ Петр рукоположил меня во иеродиакона. 22 февраля было освящение престола на Белой Горе в малом храме во имя святителя Николая. Освящал сам владыка, и по освящении престола за литургией рукоположил меня во иеромонаха.

С этого времени о. Варлаам был назначен управляющим новостроящегося миссионерского монастыря на Белой Горе. Первое, что им было сделано, это восстановлено православное уставное богослужение, которое совершалось с искренностью и глубокой верой; памятуя, что монастырь миссионерский, была на должную высоту поставлена проповедь, которая звучала в нем утром и вечером. Ни одно богослужение не оставалось без поучения. Поучения эти были просты, доступны и сильно действовали на души паломников. Обитель сразу приобрела значение и ценность в глазах народа. Сюда ехали со всех сторон и за сотни верст со своими скорбями и несчастьями. Четверть века Белогорская обитель утешала страждущих, поддерживала слабых, помогала бедным. Характеризуя обитель, епархиальный миссионер Андрей Куляшев говорил о ней: «Стоя у Белогорского собора, мы не можем не возноситься умом и сердцем к Спасителю мира. Этот храм будит уснувшие мысли и заставляет размышлять о Боге, о личном спасении, о райском блаженстве. Мир, лежащий во зле, себе подчиняет людей, от Бога

отводит, толкает на грех. И люди мирские забудут о Боге, в молитве горячей Его не прославят. Но вот о жизни иной душа затоскует, сердце тревожно будет томиться, к жизни святой потянет его. И пойдут добрые люди с разных сторон целыми сотнями на Белую Гору. Вот увидят они еще издалека эту священную гору и прославят Господа Бога. И стар и млад, и богатый и бедный, и дальний и ближний – все спешат, все стремятся на Уральский Афон. Мир здесь другой; почти непрерывно совершается служба, всё по уставу, без всяких пропусков, без всяких заминок. Божия служба на Белой Горе так поставлена, как нигде в наших ближних и дальних пределах.

О чем говорит нам Уральский Афон, чему поучает нас Белогорская обитель? Она говорит нам о нашем спасении, лечит наши душевные раны, бичует пороки, карает проступки, заставляет проснуться от тяжкого сна.

Архимандрит Варлаам Коноплев

Здесь, в обители, всегда с должным усердием неустанно о том говорят, как нужно души спасать, как бороться с грехом, как готовить себя к жизни святой и блаженной. Царство Божие здесь усиленно проповедуется. Отцы Белогорского монастыря призывают паломников к постоянному бодрствованию, к постоянной борьбе с темной силой. Они умоляют нас иметь чистое сердце и спастись в Церкви Христовой святой, православной, принимать Тайны святыя, быть со священством, от Бога поставленным. Без Церкви спастись невозможно. Гибнут те люди, кои находятся в недрах раскола и сект; гибнут те люди, которые не ходят в храм Божий, не приобщаются Тайн Христовых. Подвергаются проклятию, по словам отцов Гангрского собора, те, которые «преобидят Церковь», поносят, ругают святое православие, горе тем людям несчастным, которые говорят, будто Церковь Христова может остаться без священства и тайн. Эти несчастные люди уподобляются безбожникам, непризнающим Спасителя мира Богом Всемогущим. Неужели у Христа Спасителя, у Его Церкви, которая, по словам книги о вере, дороже для Него ангелов и неба, кто-либо может отнять священство и таинства. Нет, Невеста Христова – Церковь Его – искажена быть не может, она всегда и неизменно останется с семьей таинствами и со священством. Неужели ты,

человек, можешь сам, без помощи Церкви, священства и таинств, получить спасение себе. Оставь эти гордые мысли. Христос Спаситель – Пастырь добрый, в снедь верным дает свое пречистое Тело и Кровь, и это святое причастие человек ничем заменить не может, ни милостию, ни добрыми делами. «Аще кто живет чисте и в покаянии, а не приемлет Тайн Христовых, не может спастися, рече бо Господь: ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во мне пребывает и Аз в нем» (Св. Иоанн Златоуст). Если так нужно для нашего спасения святое причастие, то так же нужно для нас и то священство, через которое мы получаем святое причастие. Нельзя нам спастись и без священства. Сам Бог поставил его. О, христианин! Люби своего пастыря приходского, почитай его, как отца родного, подчиняйся ему, врачуй у него свои душевные раны, ходи к нему на исповедь и твердо знай, что Святое Писание, святые отцы нам ясно раскрыли, что святое причастие и священство пребудут в Церкви Христовой во все времена, вечно, неизменно до самого второго пришествия, и сам антихрист не уничтожит в Церкви ни священства, ни таинств, ибо и он не может быть сильнее Христа. Христос, как говорит святой апостол Павел, Глава Церкви, а Церковь – Тело Его, если человек не позволит, чтобы кто-либо отнял у него руку или ногу, тем более Христос, как Бог Всемогущий, не позволит, чтобы кто-либо лишил Его Церковь священства и таинств; а ведь сильнее Бога никто не может быть.

Закладка храма на Белой Горе

*Храм Воздвижения Животворящего Креста Господня.
В центре епископ Андроник, справа от него архимандрит Варлаам, епископ Феофан – слева.
1917 год*

Собор Воздвижения Животворящего Креста Господня

Итак, пребывая, возлюбленный христианин, в святой Церкви Христовой, ходи в храм Божий, ибо и Сам Христос и святые апостолы ходили в рукотворный храм, почитай и лобызай святые иконы и святой крест, как велит нам словес Божие, призывай в молитвах святых угодников наших – этих друзей Божиих и Владычицу мира – Матерь Божию.

Вот та проповедь, которая раздаётся на Белой Горе, вот то поучение, которое слышат паломники на Уральском Афоне, вот те заветы, которые дают нам отцы белогорские».

Благодатный подвиг и ревность иноков, их самоотверженная деятельность со всех сторон привлекали в обитель благодетелей. В июне 1894 года состоялась закладка Иверского храма и нижнего зимнего храма во имя Всех Святых. В июле приступили к расширению Никольского храма. В ноябре начали постройку настоятельского и братского корпусов; оборудовали столярную и слесарную мастерские. Через год закончили постройку каменного нижнего храма во имя Всех Святых и начали возводить второй деревянный храм, который был закончен и освящен в сентябре 1896 года. На следующий год был заложен двухэтажный корпус для старшей братии, в том же году Белогорский монастырь

был утвержден штатным монастырем, и о. Варлаам назначен его настоятелем. В 1902 году состоялась закладка престола величественного собора в честь Воздвижения Честного Животворящего Креста Господня вместимостью до пяти тысяч человек. До пятнадцати тысяч богомольцев собрались на это торжество. Закладывая собор, настоятель и братия не имели всех средств на его строительство, но имели веру, и она не посрамила их, постройку собора завершили, и летом 1917 года он был освящен. Обитель благоустраивалась и процветала. За четыре года в ней появились все нужные для нее промыслы и ремесла, от выделки кирпича до позолочения утвари и риз на иконах.

Архимандрит Варлаам Коноплев

В первых числах июня 1917 года в обители состоялось последнее величественное торжество – освящение Белогорского собора. Были посланы приглашения всем благодетелям и посетителям обители, а также отпечатаны и разосланы по всей России извещения о предстоящем торжестве. 2 июня в обитель приехал епископ Пермский Андроник (Никольский); 5 июня стали прибывать в монастырь из окрестных селений крестные ходы с многочисленными богомольцами. Пройдя долгий путь при дневном летнем зное и пыли, они не выказывали утомления, лица многих были радостны, на них лежал отпечаток какого-то неземного состояния. Храмы не вмещали паломников, и богослужения совершались прямо под открытым небом; всенощные, панихиды или молебны – повсюду славилось имя Божие. И сама природа, казалось, внимала этому дивному зрелищу; не было ветра, свечи не гасли, так было тихо и хорошо. Везде, в храмах и на открытом воздухе, священники и миссионеры говорили проповеди. Настоятель монастыря архимандрит Варлаам, благочинный архимандрит Ювеналий и казначей иеромонах Антоний проводили исповеди. Долго и подробно они разъясняли народу вред греховных привычек, призывали

к сердечному покаянию. И горько плакал русский народ, сокрушался о грехах, скорбел о гибели своей души и в покаянии умолял Бога.

По окончании освящения престола состоялся крестный ход. Епископ Андроник взял дискос с мощами святых мучеников, и все направились вокруг собора при тихом пении тропарей мученикам. Духовенство далеко растянулось по площади, за ним шли десятки тысяч богомольцев, звон колоколов мелодично раздавался в утреннем воздухе.

Так описывает монастырскую службу инок-паломник: «Уставная служба в храмах монастыря отличалась торжественностью и глубокой умирительностью. Схимники с детскими незлобивыми лицами имели в храме свои формы, молодые иноки стояли на хорах, а частью внизу. После вечернего правила в храме свечи гасились, и вся иноческая рать, человек в пятьсот, едва шелестя мантиями, двигалась по направлению к раке с частицами мощей. Затем раздавалось мощное пение молитвы «Достойно есть» афонским распевом. При звуках молитвенного ублажения Божией Матери хотелось плакать. Какие-то светлые чувства широкой волной втеснялись в душу и думалось: «Как, вероятно, в эти минуты трепещет сатана и ненавидит поющих монахов».

За всеобщей пение с канонархом, клиросные сходки на середину амвона поющих, выходы на «Хвалите...» до тридцати иеромонахов и многих иеродиаконов, чтение пролога, жития дневного святого и проповедь, каждение церкви архимандритом в сопровождении семи иеродиаконов, целый лес аршинных свечей в руках священнослужителей, – вся эта картина была исполнена трогательности. От созерцания великолепной внешности, соединенной с искренним благоговением иноков, души богомольцев и моя душа невольно охватывались общим благодатным настроением».

Прошел год со времени освящения собора. В августе 1918 года большевики захватили обитель. В главном алтаре собора красноармейцы разворотили и осквернили престол. В келье архимандрита Варлаама устроили отхожее место, а иконописную мастерскую превратили в театр, где монастырских мальчиков-певчих заставляли петь светские фривольные песни. Многие монахи были после зверских пыток убиты. 12 августа красноармейцы арестовали настоятеля монастыря архимандрита Варлаама и по дороге в уездный город Осу расстреляли.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия

Русской Православной Церкви XX столетия.

Жизнеописания и материалы к ним. Книга 2»

Тверь. 2001. С. 188-203

Библиография

Летопись Белогорского Свято-Николаевского православно-миссионерского мужского общежительного монастыря, находящегося в Осинском уезде Пермской епархии. Пермь, 1897.

Духовное торжество. Екатеринбург, 1917.

Примечания

¹ Субботин Николай Иванович, родился около 1830 года. Окончил Московскую Духовную академию, в которой был затем профессором истории и обличения русского раскола. Главные его труды: «Дело патриарха Никона», М., 1862, «Раскол, как орудие враждебных России партий», М., 1867, «История Белокриницкой иерархии», т. 1-2, М., 1874-1897, «Материалы для истории раскола за первое время его существования», т. 1-6, М., 1875-1876. Автор множества статей, которые публиковались в «Современной летописи», «Русском вестнике», «Душеполезном чтении», «Московских ведомостях», «Братском слове» и других изданиях.

² Озерский Адриан Иванович. «Выписки из старописьменных, старопечатных и других книг, свидетельствующих о святости соборной и апостольской Церкви и о необходимости покоряться ее уставам для достижения спасения», ч. 1-2, М., 1862.

³ Перетрухин Климент – один из виднейших защитников австрийской старообрядческой иерархии. В начале 1890-х годов был секретарем при раскольническом Духовном Совете в Москве. Написал книгу в защиту австрийской иерархии: «Меч духовный», М., 1890.

⁴ Бриллиантов М. И. – старообрядец. Автор книги «Шувойская беседа и материалы для истории раздора именуемых неокружников», М., 1903.

⁵ Филиппов Третий Иванович – учитель русского языка и словесности в Первой Московской гимназии. Один из основателей Союза ревнителей русского слова. Один из учредителей Петербургского отдела Славянского комитета. В 1882 году – вице-председатель Православного Палестинского общества. Руководитель издания журнала «Русская беседа». Автор книг: «Современные церковные вопросы», СПб., 1882, «Три замечательных старообрядца», СПб., 1899.